
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 347.4

НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО МИРА И СТРАН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

В. И. ЕРМОЛОВИЧ¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Исследуются источники права Древнего мира и стран средневековой Европы, регламентировавшие порядок наследования по завещанию. Описаны основные институты наследственного права Древнего мира и европейских средневековых государств. Проведен сравнительный анализ норм права древних Вавилона и Рима, Восточной Римской империи, Сербии, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Германии, государств средневековой Руси, Польши, Чехии, Франции, Швеции. Указан порядок наследования по завещанию в римском частном праве и праве стран средневековой Европы, исследованы права и обязанности наследников и наследодателей. Отмечено, что проведенный анализ базируется на обширном и достоверном фактическом материале.

Ключевые слова: наследование по завещанию; наследник; наследодатель; порядок наследования; страны Древнего мира; страны средневековой Европы.

Образец цитирования:

Ермолович В. И. Наследование по завещанию в праве Древнего мира и стран средневековой Европы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 1. С. 3–13.

For citation:

Yermalovich V. I. The testamentary law of the Ancient world and medieval European countries. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 1. P. 3–13 (in Russ.).

Автор:

Виктор Иванович Ермолович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Viktar Yermalovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of theory and history state and law, faculty of law.
hermolovith@gmail.com

THE TESTAMENTARY LAW OF THE ANCIENT WORLD AND MEDIEVAL EUROPEAN COUNTRIES

V. I. YERMALOVICH^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The subject of the article are the sources of the law countries of the Ancient world and the law of medieval European countries regulating succession procedure under the will. The process of studying the main institutes of succession law of the Ancient world and the law of medieval European countries has been carried out on the basis of the comparative analysis of law norms of the Ancient Babylon and Rome, Eastern Roman Empire, Serbia, the Great Princedom of Lithuania, Russia and Jemoit, the Russian states, Poland, Czech, France, Sweden. Analyzed is succession procedure according under the will the rights and obligations of a successors and a testators. The analysis of the norms of succession according to the law, made by the author of the article is based on the voluminous and authentic factual material.

Key words: succession according to the law; succession; successor; testator; succession procedure; countries of the Ancient world; countries of medieval Europe.

Институт наследования по завещанию известен человечеству около 4 тыс. лет. Он нашел свое отражение в нескольких статьях древнейшего письменного источника права – «Законах Хаммурапи», параграф 165 которого гласит: «Если человек подарил своему наследнику, которого он любит, поле, сад и дом и написал ему документ с печатью, то, когда братья будут делиться, после того как отец умрет, подарок, который отец дал ему, он может забрать, а сверх того, они должны поделиться поровну имуществом¹ в доме их отца» [1, с. 165].

Вместе с тем есть основания полагать, что наследование по завещанию в Законах Хаммурапи было ограничено кругом лиц из числа близких родственников наследодателя. В пользу данного довода свидетельствует процитированная норма, из содержания которой следует, что круг наследников состоял только из сыновей наследодателя. Это подтверждает и юридическая норма, изложенная в параграфе 150 «Законов Хаммурапи»: «Если человек подарил своей жене поле, сад, дом или имущество и дал ей документ с печатью, то после смерти ее мужа ее сыновья не могут предъявить ей иск, а мать то, что останется после нее, может отдать своему сыну, которого она любит; брату она не может отдавать» [1, с. 164].

Ни в одном памятнике права Древнего мира, кроме источников римского частного права, не было установлено свободное, неограниченного волеизъявления наследодателя в отношении своего движимого и недвижимого имущества. «Законы Хаммурапи» не являются исключением в сформировавшейся системе наследственных правоотношений Древнего мира.

Институт наследования по завещанию в праве Древнего Рима получил юридическое закрепление в Законах XII таблиц. Об этом свидетельствует нор-

ма IV таблицы V названного источника: *Si intestato moritur cui suus heres nec escit, adgnatus proximus familiam habeto* 'Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследстве, то пусть его хозяйство возьмет себе его ближайший агнат' [2, с. 7].

Во времена принятия Законов XII таблиц наиболее распространенной формой завещания в Древнем Риме являлась *testamentum calatis comitiis* – завещание, которое составлялось под руководством верховного понтифика, для чего два раза в год, 24 марта и 24 мая, собирались комиции [3, с. 238]. О данной форме завещания речь идет в титуле C1 книги II институций Гая: *Nam aut calatis comitiis testamentum faciebant, quae comitia bis in anno testamentis faciendis destinata erant, aut in procinctu, id est cum belli causa arma sumebant; procinctus est enim expeditus et armatus exercitus. Alterum itaque in pace et in otio faciebant, alterum in proelium exituri* 'Завещание составляли или перед лицом всего народа на куриатных собраниях (комициях), созывавшихся для этой цели дважды в год, или перед выступлением в поход, т. е. тогда, когда для войны брались за оружие и намеревались идти в сражение. Словом *procinctus* обозначалась армия перед началом военных действий'. И так, одни завещания составлялись в мирное время, а другие – перед началом военных действий' [4, с. 112].

Из-за отсутствия информации в доступных для нас источниках римского частного права в настоящее время нельзя ответить на вопрос о том, можно ли было завещанием перед сражением отменить завещание, составленное в обычных условиях. Кроме того, нам неизвестно, когда был введен принцип отменяемости завещания.

Древнейший источник римского права указывает и на другие, распространенные уже в середине

¹Речь идет о движимом имуществе, поскольку недвижимая собственность была уже подарена наследнику. – В. Е.

1-го тысячелетия до н. э., формы завещания. Так, норма I таблицы VI Законов XII таблиц гласит: *Si quis facit a paciscor of sumosalad vel translationem rem (in praesentia quinque testes et weigher), deinde verba quae locuti sunt simul, sunt duxi inviolabilis* 'Если кто заключает сделку самозаклада или отчуждения вещи (в присутствии пяти свидетелей и весовщика), то пусть слова, которые произносятся при этом, почитаются нерушимыми' [2, с. 8]. В данном случае речь идет о форме завещания *testamentum dicitur per aes et libram*, которую отразил Гай в титулах CII и CIV книги II институций. Он описал формальности составления завещания посредством «меди и весов»: в присутствии наследодателя, весовщика (*libripens*) и пяти свидетелей из числа совершеннолетних граждан доверенным лицом наследника (*familiae emptor*) произносилась древняя формула манципации семьи и имущества: *Familiam pecuniamque tuam endo mandatela tua custodelaque mea* 'Подтверждаю, что твое имущество находится под моей защитой согласно твоим распоряжениям' [4, с. 112]. Данный вид завещания реализовывался на практике в форме *per aes et libram*, т. е. в присутствии пяти свидетелей и доверенного лица наследника. Следовательно, *familiae emptor* становился универсальным наследником после исполнения манципации и смерти наследодателя. При этом во избежание семейных конфликтов имена реальных наследников наследодателем в тексте завещания не назывались, а указывались в письменном распоряжении, которое наследодатель предоставлял *familiae emptor*. Данная форма завещания была тайной. В юридических источниках Древнего Рима ее именовали как *mancipatio familiae dicis gracia*. Она действовала и в период классического римского частного права, хотя формальности древнего права при этом не применялись. Обряд сводился к подписанию завещания семью свидетелями, где наряду с пятью традиционными свидетелями аналогичный статус получали также весовщик и *familiae emptor*. Это завещание по своему характеру было преторским, поскольку преторы обеспечивали наследников своей защитой. Об этом свидетельствует и содержание титула CXIX книги II институций Гая: *Praetor tamen si septem signis testium signatum sit testamentum, scriptis heredibus secundum tabulas testamenti bonorum possessionem pollicetur; (et) si nemo sit, ad quem ab intestato iure legitimo pertineat hereditas, uelut frater eodem patre natus aut patruus aut fratris filius, ita poterunt scripti heredes retinere hereditatem. Nam idem iuris est et si alia ex causa testamentum non ualeat, uelut quod familia non uenierit aut nuncupationis uerba testator locutus non sit* 'Претор, однако, может предоставить назначенным наследникам владение наследством согласно завещательному документу, если он будет подписан семью свидетелями и если нет наследника, к которому могло бы перейти на-

следство по закону, например брату, рожденному от одного отца, или дяде по отцу, или сыну от брата, тогда назначенные наследники могут сохранить за собой наследство. То же самое имеет место по закону, если по какой-либо иной причине завещание оказывается недействительным, когда, например, имущество манципированным образом не было продано или когда завещатель последней воли своей торжественно не заявлял' [4, с. 118].

Воины могли составлять завещания как в обычной форме, так и без каких-либо формальностей, путем простого волеизъявления. Еще во времена правления Гая Юлия Цезаря была введена особая форма завещания для воинов – *testamentum militis*, которую впоследствии зафиксировали в конституциях Тит, Домициан и Траян. Об этом свидетельствует запись, сделанная в титуле I книги XXIX дигестов Юстиниана: *...militibus liberam testamenti factionem primus quidem divus Iulius Caesar concessit: sed ea concessio temporalis erat. Postea vero primus divus Titus dedit: post hoc Domitianus: postea divus Nerva plenissimam indulgentiam in milites contulit: eamque Traianus secutus est et exinde mandatis inseri coepit caput tale* '...божественный Юлий Цезарь был первым, кто предоставил воинам возможность составлять завещания в свободной форме, но это разрешение было временным. Впоследствии это же право предоставил божественный Тит, а после него – Домициан, после чего полную благосклонность проявил по отношению к военным божественный Нерва, тому же принципу последовал и Траян; с этого времени соответствующая глава была вставлена в императорские указы' [5, с. 194]. Завещание воина могло быть составлено в любой форме, письменной или устной, без особых требований: *Quomodo uelint, uel quomodo possint permittitur testamentum facere* 'Позволяется составлять завещание любым образом, как они хотят или как могут' [4, с. 116]. Таким образом законодатель пытался компенсировать низкий уровень юридической грамотности или неримское происхождение воинов, которым было дозволено составлять завещание в любой форме, даже на своем родном языке.

Если воин оставался жив, то такое завещание имело ограниченный предел действия. Это подтверждает норма, изложенная во фрагменте XXVI титула I книги XXIX дигестов Юстиниана: *Testamenta eorum, qui ignominiae causa missi sunt, statim desinunt military iure valere, quod anni spatium testamentis eorum, qui honestam vel causariam missionem meruerunt, tribuitur* 'Завещания уволенных с военной службы по причине бесчестия немедленно теряют силу на основании военного права, которое предоставляет привилегированный срок в один год для завещаний тех, кто получил почетную отставку или был уволен как непригодный к военной службе' [5, с. 210].

Завещание воина было действительным, даже если содержало некоторые отступления от норм общепризнанного римского завещательного права. При этом наследование воина не подчинялось цивильному правилу, в соответствии с которым в отношении одного лица не могло иметь места преемство частью по завещанию, а частью без завещания (*nemo pro parte testatus pro parte intestatus decedere potest*), исключавшее факт конкуренции наследования по завещанию и наследования по закону.

В постклассическую эпоху проходил процесс слияния цивильного и преторского завещаний (*bonorum possessio secundum tabulas* 'завещание с учетом интересов наследников второго порядка'). Наблюдались и другие изменения. Например, обрели окончательную юридическую силу две формы публичного завещания: *testamentum apud acta* (его содержание состояло в объявлении воли, записанной в официальных книгах) и *testamentum principi oblatum* (его суть заключалась в составлении письменного документа, который представлялся принцепсу и хранился в архиве под наблюдением начальника канцелярии – *magister libellorum*) [3, с. 242].

Во времена правления императора Юстиниана завершился процесс слияния цивильного и так называемого преторского завещаний. Оставалось в силе требование Феодосия о присутствии семи свидетелей при составлении нового вида завещания; подпись (*scriptio*) наследодателя больше не требовалась, если завещание являлось холографом, т. е. было написано собственной рукой завещателя.

В институциях Юстиниана завещание регламентировалось трехчастным правом (*ius tripertitum*), сущность которого заключается в следующем: из древнего цивильного права в него перешла необходимость присутствия свидетелей, из преторского права (*bonorum possessio secundum tabulas*) – число свидетелей и обязательность печати (*signa*), из императорских конституций (*ius novum*) – необходимость подписи (*subscriptions*) [6, с. 122].

Любое завещание содержало назначение наследников. Данная норма закреплена во фрагменте XXXIV титула XX книги II институций Юстиниана: *Ante heredis institutionem inutiliter antea legabatur, scilicet quia testamenta uim ex institutione heredum accipiunt et ob id ueluti caput atque fundamentum intellegitur totius testamenti heredis institution* 'Легат, оставленный до назначения наследника, считался недействительным, потому что завещания получают силу только с момента назначения наследников, поскольку назначение наследника считается основой всякого завещания' [6, с. 174]. Следовательно, назначение наследника в римском частном праве с древнейших времен являлось основой и началом всякого завещания.

Назначение наследника осуществлялось благодаря применению торжественной формулы: *Titius*

heres esto! 'Пусть Тиций будет наследником!' Впоследствии стали применяться и другие императивные формулы, например: *Titium heredem esse iubeo!* 'Я приказываю, чтобы Тиций был наследником!' [4, с. 118]. В позднеклассический период использовались и такие формулы, как *Titius hereditatis meae dominus esto!* 'Пусть Тиций будет собственником моего наследства!' [5, с. 112]. Конституция императора Константина 339 г. н. э. отменила все словесные формальности при назначении наследника; главное требование сводилось к тому, чтобы была ясной воля наследодателя [3, с. 243].

Назначение наследников происходило только на латинском языке, хотя в классический и постклассический период допускалось также составление завещания на греческом языке. Главным условием при оглашении завещания являлось четкое определение наследника независимо от дикции лица, произносящего его имя.

Наследником могли быть назначены одно лицо либо несколько лиц. Если определялся один наследник, он принимал наследство в имущественном плане *ex asse*, т. е. все имущество наследодателя. При наличии нескольких наследников с древних времен практиковалось солидарное наследование (*in solidum*), а в более поздний исторический период оформилось понятие доли. Об этом свидетельствует фрагмент V титула XIV книги II институций Юстиниана: *Hereditas plerumque diuiditur in duodecim uncias, quae assis appellation continentur. Habent autem et hae partes propria nomina ab uncia usque ad assem, ut puta haec: sextans, quadrans, triens, quincunx, semis, septunx, bes, dodrans, dextans, deunx, as. Non autem utique duodecim uncias esse oportet. <...> Et e contrario potest quis in quantascumque uoluerit plurimas uncias suam hereditatem diuidere* 'В большинстве случаев наследство делится на двенадцать унций, которые содержатся в названии асса. Эти части также имеют свои собственные названия, начиная от унции и кончая ассом, т. е. унция, секстант, квадрант, триент, квинквент, семисс, септент, бес, додрант, декстант, деункс, асс. Однако деление наследства на двенадцать частей необязательно; только от желания завещателя зависит, чтобы наследство содержало определенное количество унций. <...> Наследодатель вправе делить наследство на столько унций, на сколько сам пожелает' [6, с. 140]. При этом в завещании можно было не указывать все имущество, находящееся в собственности завещателя.

В содержание завещания, кроме назначения наследников, входили специальные распоряжения, в которые инкорпорировались определенные условия и указания. Если в завещании содержались аморальные, противоправные или невозможные условия, то они попросту игнорировались, например: *Non potest adiectus efficere, ut qui semel heres extitit desinat heres esse* 'Добавленный наследник не

может послужить причиной того, что однажды ставший наследником прекратит быть наследником» [5, с. 134]. Однако наряду с упомянутыми распоряжениями в завещании могло содержаться и назначение исполнителя завещания, опекунов и попечителей, распоряжение об освобождении рабов и т. д.

В римском частном праве предусматривались случаи отмены завещания. Например, недействительными являлись завещания, при составлении которых не были совершены действия, необходимые для их правомочности: невыполнение ряда условий, связанных со способностью завещателя к составлению завещания необходимой формы, факт ненадлежащего назначения наследника. По мнению известного немецкого исследователя римского частного права Ю. Барона, завещание подлежало оспариванию и в том случае, «если составление его было вызвано заблуждением в мотиве или угрозами» [7, с. 959].

Недействительными считались завещания в римском частном праве, при которых не соблюдалась форма их составления, не был назначен наследник, а также в случаях, когда лицо, составившее завещание, не обладало статусом *testamenti factio active* (завещание универсального характера, которое использовалось только римскими гражданами), а лица, назначенные наследниками, – статусом *testamenti factio passive* (завещание, по которому могли наследовать не только римские граждане, но и их рабы, а также римское государство и церковь).

Ничтожными являлись завещания, в которых не были приняты во внимание наследственные права сыновей. К релятивно ничтожным относились завещания, в которых не принимались во внимание наследственные права дочерей и других потомков из числа наследников. Достаточно полную трактовку данного вопроса мы находим в титуле CXXIV книги II институций Гая: *Id est si quis tres uerbi gratia filios heredes instituerit et filiam praeterierit, filia ad crescendo pro quarta parte fit heres, et ea ratione idem consequitur, quod ab intestato patre mortuo habitura esset; at si extraneos ille heredes instituerit et filiam praeterierit, filia ad crescendo ex dimidia parte fit heres. Quae de filia diximus, eadem et de nepote deque omnibus liberorum personis siue masculini siue feminini sexus, dicta intellegemus* ‘Если кто, например, назначит трех сыновей наследниками, а обойдет молчанием дочь, то она получает по праву приращения четвертую часть наследства, и на этом основании приобретает то, что получила бы в случае смерти отца без завещания, как наследница по закону. Но если завещатель призывает к наследованию посторонних и обойдет дочь, то она на основании права приращения приобретает половину наследства. То, что мы сказали о дочери, считаем сказанным и о внучке, и о всех детях, все равно, будут ли они женского или мужского пола’ [4, с. 120]. Независимо от содержания завещание являлось значительным событием для лиц, которые становились

наследниками. Вначале открытие завещания происходило при свидетелях, позднее при данной процедуре присутствовали и представители государственных органов. Обычно претор зачитывал завещание, а затем оно запечатывалось. При этом дата его оглашения точно не устанавливалась, завещание зачитывалось не позднее чем через год со дня смерти завещателя в соответствии с предписаниями *usucapio hereditaris* (удержание предметов наследства лицом, не обладающим статусом наследника) [8, с. 322].

Институт права наследования по завещанию широко применялся и в правовой практике стран средневековой континентальной Европы. В южной и юго-восточной Европе широкое распространение получил источник восточноримского права «Эклога», который в части наследования воспроизводил нормы римского частного права, где наследование по завещанию имело приоритет перед наследованием по закону. Например, к наследованию по закону в средневековой Болгарии и Сербии обращались только в том случае, если наследодатель не оставлял юридически действительного завещания (славянская редакция «Эклоги», титул VIII, ст. 1).

Приоритет наследования по завещанию перед наследованием по закону является проявлением неограниченной власти частного собственника, который имеет возможность распоряжаться имуществом по своему усмотрению не только при жизни, но и после смерти. «Эклога» – источник права зарождающегося феодализма, воспроизводивший нормы законодательства Юстиниана. В процессе утверждения феодальных отношений положение о наследовании, отражавшее интересы и чаяния господствующего класса, законодателем было сохранено, поскольку серьезных опасений того, что феодал завещанием лишит наследства своих законных наследников, не существовало. Кроме того, подобную опасность исключали и нормы наследования по закону.

Не вызывает сомнения тот факт, что завещание как институт права было известно в средневековом сербском государстве. Например, из материалов описания имущества монастыря Пресвятой Богородицы в Тетове (1346) видно, что многие крестьяне завещали монастырю свои земельные наделы. В библиотеке Дубровницкой общины сохранилось завещание Медича, сына Николина из Далматии, от 1392 г. [9, с. 51].

При этом отметим, что посредством завещания наилучшим образом выражалась воля наследодателя по вопросу о разделе его имущества между законными наследниками. Завещатель мог сделать некоторые распоряжения и дарения в пользу других лиц, но, как правило, нормы наследования по закону соблюдались. Это является основанием для понимания того, что нормы «Эклоги», касающиеся наследования среди представителей господствующего класса, были

сохранены, а в отношении зависимых крестьян (крепостных) устанавливался ряд ограничений.

В славянской, как и восточноримской, редакции «Эклоги» признавались письменное и устное завещания (титул V, ст. 2, 3). Нормы не требовали, чтобы содержание завещания состояло из торжественных слов, как это предусматривалось древним римским правом, однако определяли, что завещание должно составляться в присутствии семи свидетелей. Их участие было необходимо для признания действительности завещания (славянская редакция «Эклоги», титул V, ст. 4). Несоблюдение этого порядка делало завещания недействительными. Если завещание составлялось тяжело раненым во время войны, то для признания действительности документа достаточно было присутствие двух свидетелей («Эклога», титул V, ст. 8; славянская редакция «Эклоги», титул V, ст. 7) [10, с. 52].

Для того чтобы завещание было признано действительным, «Эклога» предъявляла определенные требования к наследодателю. Предусматривалось, что составлять завещание не могут умалишенные, несовершеннолетние (лица мужского пола, не достигшие 15 лет, и лица женского пола, не достигшие 13 лет), лица, находящиеся в плену, подвластные (могли завещать свои личные вещи) и глухонемые от рождения [10, с. 52]. Следует отметить, что с течением времени данный механизм претерпел определенные изменения юридического характера. Согласно составу «А» главы 4 сербской редакции «Синтагмы Матвея Властаря», которая стала с середины XIV в. основным гражданским законом Сербии и в значительной мере трансформировала нормы наследственного права, закрепленные в «Эклоге», физическое лицо признавалось правоспособным и дееспособным, т. е. достигало полного совершеннолетия, в возрасте 25 лет [11, с. 109]. С этого момента его распоряжения о завещании обретали законную силу.

Наследник по закону или завещанию, принявший наследство, считался продолжателем личности наследодателя. Право наследодателя на собственность и истребование долгов предоставлялось наследнику. С другой стороны, смерть наследодателя не погашала его долгов. Кредиторы наследодателя были наделены правом на удовлетворение своих требований. Наследники были обязаны погасить долги наследодателя.

При этом следует учитывать важную особенность. Если наследник, приобретая право на наследство, составлял предварительную опись имущества, то отвечал перед кредиторами только в пределах реально унаследованного имущества и не обязан был оплачивать долги наследодателя за счет личной собственности. Однако если наследник предварительно не составлял опись унаследованного имущества, то он обязывался оплатить все

долги наследодателя независимо от того, достаточно или недостаточно было полученного наследства для их покрытия. Данное положение трактуется в «Эклоге» следующим образом: «Если же <...> окажется, что часть некоторых долгов он уплатил, то он должен уплатить и другие, так как не определил принятое имущество надлежащей описью» («Эклога», титул VI, ст. 9; славянская редакция «Эклоги», титул VII, ст. 3) [10, с. 55].

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что наследник был обязан точно выполнить все распоряжения, сделанные наследодателем, т. е. соблюсти те условия завещания, посредством которых наследодатель предоставлял определенным лицам те или иные имущественные блага.

При этом следует отметить, что с середины XIV в. сербские наследодатели получили в свое распоряжение достаточно действенный механизм лишения наследства лиц, ранее уже упомянутых в завещании. Так, состав «К» главы 6 сербской редакции «Синтагмы Матвея Властаря» содержит 14 оснований для лишения наследства даже прямых наследников – сыновей наследодателя. Таковыми основаниями являлись следующие:

- 1) наследник совершал покушение на жизнь и здоровье наследодателя;
- 2) наследодателю наследником наносилась тяжкая обида;
- 3) наследник обвинял наследодателя в уголовных преступлениях против царя или государства, которых тот на самом деле не совершал;
- 4) наследник общался с волшебниками или использовал волшебные средства;
- 5) покушался на жизнь своих родителей;
- 6) вступал в половую связь со своей мачехой или наложницей своего отца;
- 7) совершал донос на своих родителей, чем «заставлял их претерпеть тяжкий вред»;
- 8) пренебрегал попечением о своих родителях, когда они лежали в продолжительной немощи или достигали старости, становились бессильными, и наследник, будучи призваным ими, отказывал им в попечении;
- 9) дети мужского пола отказывались поручиться, насколько имели состояния, за своих родителей, привлекаемых к ответственности за долг;
- 10) обнаруживалось, что кто-нибудь из детей воспрепятствовал родителям написать завещание: если родители после этого могут составить завещание, то имеют право лишиться наследства сына;
- 11) наследник против воли родителей занимался каким-то позорным делом и не прекратил его;
- 12) кто-либо из родителей неистовствовал, а дети или имеющие право наследовать без завещания не обеспечили им надлежащий уход (по освобождению от неистовства лица, родитель имел право лишить их наследства);

13) дети не заботились об освобождении из плена кого-либо из родителей (по освобождении из пленения родитель мог написать в завещании об их неблагодарности и лишить наследства, а если умирал в плену по нерадению детей или призываемых к наследству без завещания, то имущество передавалось церкви того города, в котором родился наследодатель, и использовалось на нужды выкупа пленных);

14) родители, будучи православными, узнавали о том, что кто-либо из детей придерживался еретических догматов; если же наследник, образовавшись, снова возвращался к православной церкви, то свою долю он получал, а от «плодов за промежуточное время» отказывался [11, с. 177–178].

Механизм реализации вышеуказанных правовых норм осуществлялся крайне просто. Согласно составу «К» главы 6 сербской редакции «Синтагмы Матвея Властаря» наследодатели указывали в своих письменных завещаниях одну или несколько из вышеназванных причин [11, с. 178]. В свою очередь, наследники должны были дать свои показания, где они подтверждали или опровергали факты, изложенные в завещании наследодателями. По результатам данной процедуры завещание приобретало юридическую силу либо признавалось недействительным [11, с. 178]. Вместе с тем законодательство средневековой Сербии допускало не только возможность лишения наследства родственников по нисходящей линии, но и содержало ряд оснований для лишения такого права родственников по восходящей линии, в том числе родителей. Данная юридическая норма изложена в составе «К» главы 7 сербской редакции «Синтагмы Матвея Властаря»: «...не позволять детям лишать своих родителей наследства в своих завещаниях, разве когда напишут в них нижеисчисляемые виновные деяния:

1) если родители дадут свое детище на погубление без вины, возводимой против величества;

2) если будет обнаружено, что отравили <...> или иным каким-либо образом злоумышляли на сына;

3) если отец смесится с своею снохою или с наложницею своего сына;

4) равным образом и относительно воспрепятствования завещанию, а также и относительно неистовства, пленения и зловерия должно быть соблюдаемо и здесь все, как мы установили и относительно лишаемых наследства сыновей. Но и имеющий родственника глухого, или немого, или безумного, или неистового, если не защищает заботливо их имущества, не может наследовать им. То же самое и относительно пленных» [11, с. 179].

Таким образом, институт наследования по завещанию в средневековом сербском праве отражал интересы наследодателя и наследника, содержал в себе механизм защиты их прав и обязанностей.

В сербском средневековом праве был закреплен и институт частичных правопреемников, которые, в отличие от универсального правопреемника (наследника), приобретали не все наследство или его определенную часть, охватывающую имущественные права и обязательства, а только конкретно определенное имущество.

Изучив состояние основных норм института наследования по завещанию в праве средневековой Сербии, попытаемся посредством сравнительного анализа выявить прогрессивные и регрессивные черты данного института на исследуемом этапе в других странах Европы. Рассмотрим институт наследования по завещанию в русском средневековом праве, которое имеет общую основу (славянский правовой обычай и рецепированные нормы римского права) с правом средневековой Сербии. Так, в ст. 92 пространной редакции Русской Правды – наиболее авторитетного источника права русских княжеств XII–XIV вв. – зафиксировано наличие форм наследования по завещанию и закону. Названная статья гласит: *Аже кто, умирая, разделить дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души* [12, с. 70]. Следовательно, наследниками по закону в данной статье выступают только дети. При этом исследователь М. Ф. Владимирский-Буданов отстаивает мнение о том, что наследниками в рассматриваемый исторический период могли быть только дети, поэтому «наследство по закону и наследство по завещанию в сущности тождественны» [13, с. 636].

Однако ко второй половине XIII в. реальное положение дел обстояло так, что круг наследников по закону стал более широким. В новгородском синодальном списке Русской Правды 1282 г. в соответствующей статье было опущено упоминание о детях, что указывает на возможность завещания дома не только по прямой нисходящей линии. В сохранившихся завещаниях этого времени вольнского князя Владимира Васильковича, умершего в 1288 г., в качестве наследников выступают его брат и жена [14, с. 902–904]; в завещании Климента новгородскому Свято-Юрьеву монастырю (ок. 1270 г.) передача имений оправдывалась тем, что у завещателя не было наследников: *...зане да не было у мене брата, ни сыну* [12, с. 115]. В тексте устава князя Владимира «О десятинах и церковных людях», начинающая с XIII в., среди дел, подлежащих юрисдикции церкви, указано: *...братья или дети тяжутся о задницу* [12, с. 149]. В списках XIII–XVI вв. упоминается также о наследственных тяжбах между сестрами и детьми, а также «внутри племени», т. е. между родственниками. В ст. 100 Псковской судной грамоты завещатель мог оставить наследство племяннику, если указал его имя в завещании или письменной грамоте, подтверждавшей акт дарения.

В соответствии со ст. 53 данного источника сын наследодателя терял право наследования по закону, если отказывался содержать отца до его смерти [12, с. 336, 340, 368, 380]. Эта правовая норма по своему содержанию повторяет изложенное в составе «К» главы 12 п. 8 греко-римской редакции «Алфавитной синтагмы Матфея Властаря» 1335 г. и составе «К» главы 6 сербской редакции «Синтагмы Матвея Властаря» [15, с. 303; 11, с. 177]. Учитывая тот факт, что данная норма наследственного права появилась в содержании «Синтагмы Матвея Властаря» почти на столетие раньше, чем в Псковской судной грамоте, то указанную правовую норму следует считать реципированной из римского или средневекового сербского права.

Статья 1 «О прелюбодейной части в животе» устава великого князя Всеволода (источник наследственного права XII–XV вв.) регламентирует порядок наследования по завещанию в пользу незаконной жены и ее детей. Дело в том, что по нормам церковного права человек мог венчаться не более двух раз. Если умирала вторая жена, вдовец не имел права жениться и фактически третья и следующие его жены и дети от этих жен законными не признавались, соответственно, и права наследования они не имели.

Названная статья изменяла традиционное право наследования незаконнорожденных детей. Она гласит: *Из велика живота дати урочнаа часть по оскуду, а из мала живота како робичичю часть: конь да доспех и покрут по рассмотрению живота* [12, с. 253, 260]. Следовательно, состоятельный человек (*полн животом*) получал право оставить небольшую часть наследства (*урок*) своим детям от третьей и последующих жен, не включая их в число основных наследников. Если наследодатель был небогат, то его незаконный сын получал лошадь и боевое снаряжение (*доспехи*), а также другое имущество (*покрут*), необходимое для службы. Упоминание о доспехах и коне говорит о том, что здесь рассматривается наследственное право в семье феодала. Эти факты позволили исследователям В. И. Сергеевичу, Н. А. Максимейко и С. В. Юшкову составить мнение о том, что круг наследников – родственников по завещанию был весьма значительным в праве средневековой Руси [16–19].

Для сравнения рассмотрим вопрос о состоянии института наследования по завещанию в европейских средневековых странах, являвшихся сопредельными в исследуемый период с русскими княжествами, прежде всего в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском (далее – ВКЛ). В период до выхода статутов (1529, 1566, 1588) в ВКЛ юрисдикция великого князя в вопросе распоряжения отчинными именьями была неограниченной, и часто именно он оказывался первым наследником. Когда наследодатель не имел детей и близких родственников, то отчина всецело по-

ступала в распоряжение великого князя, так как умирающий не мог завещать свое родовое имение или продать его в чужие руки, подобно тому как не мог этого сделать и наследодатель, имеющий своих детей или близких родственников [20, с. 38]. Такая строгость в ограничении права распоряжения отчинами, по мнению М. К. Любавского, едва ли была наследием Древней Руси и по всем признакам установилась в ВКЛ только в XIII – начале XVI в. [21, с. 632]. Таким образом, наследодатели в ВКЛ могли свободно завещать либо передавать в дар движимое имущество либо благоприобретенное недвижимое имущество, которое перешло в собственность наследодателя посредством купли-продажи. Право распоряжения фамильным и жалованным недвижимым имуществом в ВКЛ было ограничено. Для завещания фамильного и жалованного недвижимого имущества требовалось обязательное согласие великого князя [20, с. 35]. Подтверждение этому мы находим и в Статуте 1529 г.: «Если бы кто-либо хотел составить завещание на свое движимое имущество или на купленное имение, то он хотя и был бы болен, если только был бы в сознании, вправе будет завещать свои вещи и купленное имение кому захочет, как духовным лицам, так и светским, призвав для этого священника, или других свидетелей, или людей, заслуживающих доверия, или также официального присяжного писаря. И если сам он потом умрет и ту свою последнюю волю смертью подтвердит, то, хотя бы и печати не приложил, такое завещание должно оставаться в силе. А если бы кто-либо по составлении завещания остался жив, то он вправе отменить свое завещание столько раз, сколько захочет» [22, с. 163–164]. Вместе с тем необходимо отметить, что со вступлением в силу Статута 1529 г. институт наследования по завещанию в ВКЛ начинает по своей форме и содержанию соответствовать передовым образцам аналогичных институтов права других европейских стран. Об этом свидетельствует следующее постановление: «А если бы кто-либо перед властями или перед свидетелями, заслуживающими доверия, записал кому-либо третью часть наследственного или купленного имения или какую-нибудь движимую вещь и хотя бы был бы жив, то уже такая запись должна иметь силу вечно, и тот уже не может аннулировать ее и записать ту же вещь кому-нибудь вторично» [22, с. 164]. Следовательно, наследственное право ВКЛ уже в начале XVI в. допускало передачу наследодателем третьей части движимого и недвижимого имущества в пользу наследника по завещанию.

Для средневековой Польши XII–XIV вв. главным образом было характерно наследование по закону; наследование по завещанию составляло исключение и имело место в крайне редких случаях. Источники упоминают о наследовании по завещанию лишь в связи с дарением имущества в пользу церкви на так

называемый помин души. О фактах составления духовных завещаний в пользу польской католической церкви сообщает, в частности, письмо папы римского Григория IX от 1232 г. [23, с. 123]. Предметом этих завещаний, как правило, являлось движимое имущество, так как на переход или отчуждение недвижимости необходимо было получение согласия родственников. Ограничение права на завещание имело своей главной целью не допустить дробления недвижимого имущества и, в первую очередь, земельной собственности.

Германское средневековое наследственное право, как и право Скандинавских стран рассматриваемого периода, наследование по завещанию отвергло полностью. Статья 30 книги II сборника «Земское право» определяла, что притязание на наследство, основанное не на родстве, а на обещании со стороны наследодателя, неосновательно [24, с. 63]. Однако и данная юридическая норма содержала возможность решения вопроса о наследовании по завещанию, в частности, вторая часть указанного постановления гласит: «Если кто претендует на наследство не по родству, а на основании обещания, то это требование считается неправильным, разве только можно будет через свидетелей доказать, что обещание было дано перед судом» [24, с. 63]. В реальной жизни наследодатели и наследники редко доверяли судьбу своего имущества в руки бюрократизированного суда, но при необходимости выход из положения, созданного запретом завещаний, находили достаточно просто. Для этой цели использовался договор дарения, который усложнялся такими условиями, при которых даритель при жизни наносил минимальный ущерб своему имущественному интересу, а условия договора вступали в силу лишь после смерти дарителя. Таким образом, договор дарения превращался в замаскированное завещание.

Аналогичным механизмом пользовались и жители средневековой Швеции, где был известен только институт наследования по закону. В ст. 1 раздела «О недвижимом имуществе» «Ландслага короля Магнуса Эрикссона» в числе пяти способов законного приобретения земли на территории шведского государства названо дарение [25, с. 192]. Представители господствующего класса также использовали данную юридическую норму для превращения договора в замаскированное завещание.

В отличие от Германии, Швеции и ряда других стран Центральной и Западной Европы, право средневековой Франции признавало институт наследования по завещанию. В соответствии с правом Франции XIII–XVI вв. наследодатели могли свободно завещать свое движимое имущество, благоприобретенное и составлявшее не более 20 % родовой собственности, т. е. имущества, полученного по наследству [26, с. 129; 27, с. 304–305]. Особенно широко использовался представителями господствующе-

го класса институт завещания на юге страны, где сильное влияние оказывало римское частное право. Следует при этом отметить, что в составлении завещаний было весьма заинтересовано и духовенство страны. Священники считались в эпоху Средневековья исполнителями завещательной воли умершего, и часть завещанного имущества передавалась церкви [28, с. 417]. Под воздействием католической церкви завещание все более начинало проникать в обычное право, хотя на севере Франции завещательная свобода существенно ограничивалась в пользу законных наследников. Последние не могли быть лишены наследства завещательным распоряжением без особо серьезных оснований.

Завещание в праве стран средневековой Европы, как и в римском частном праве, является односторонней сделкой, т. е. выражает волю только завещателя. Завещание становится действительным при условии, что назначенный в нем наследник согласится принять наследство. Следовательно, завещание не является договором, так как выражение воли наследника происходит не во время совершения завещания, а только после смерти завещателя. Это самостоятельный по своему характеру акт, который принципиально отличается от традиционного понимания завещания.

Односторонний характер завещания в праве стран средневековой Европы, как и в римском частном праве, проявлялся в том, что завещатель в одностороннем порядке мог изменить или вовсе отменить завещание.

Завещание (*testamentum*) в римском частном и средневековом праве несколько отличалось по форме своего составления. В римском частном праве завещанием признавалось не всякое распоряжение лица своим имуществом на случай смерти, а лишь такое, которое содержало назначение наследника. При этом, исходя из требований классического римского права, было необходимо, чтобы такое назначение находилось в начале завещания. В праве стран средневековой континентальной Европы данное требование не всегда соблюдалось. Однако, как и в римском частном праве, назначение наследника составляло существенную часть завещания, где имелись исчерпывающие указания того, кому и в каких долях должно перейти имущество после смерти данного лица. При этом как в римском частном праве, так и в праве стран средневековой Европы назначением наследника завещание часто не исчерпывалось; в нем могли содержаться отказы (легаты), назначаться опекуны малолетним наследникам и т. д. Наглядным примером этого являются дошедшие до нас тексты средневековых завещаний дворян и горожан ВКЛ, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси, которые в 2012 г. были опубликованы в уникальном издании [29].

Библиографические ссылки

1. Законы вавилонского царя Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. М. А. Коростовцева [и др.]. М., 1980. С. 151–178.
2. Памятники римского права : Законы XII таблиц ; Институции Гая ; Дигесты Юстиниана. М., 1997.
3. Франчози Д. Институционный курс римского права : пер. с итал. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2004.
4. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дадынского ; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. М., 1997.
5. Дигесты Юстиниана : в 7 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2004. Т. V, полутом 1.
6. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998.
7. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. / предисл. В. В. Байбака. СПб., 2005. Кн. 2 : Право владения.
8. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право / пер. с макед. В. А. Томсинова, Ю. В. Филиппова ; под ред. В. А. Томсинова. М., 2000.
9. Ермолович В. И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.). Минск, 2003.
10. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.
11. Флоринский Т. Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков : Хрисовулы ; Сербский законник ; Сборник византийских Законов. Киев, 1888.
12. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984.
13. Правда Русская : в 2 т. / под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1947. Т. 2 : Комментарии.
14. Полн. собр. рус. летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. М., 2001.
15. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 2 : Европа: V–XVII вв.
16. Сергѣевич В. Лекції и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-е изд. СПб., 1903.
17. Максимейко Н. А. Московская редакция Русской Правды // Проблемы источниковедения : сб. ст. М. ; Л., 1940. С. 127–162.
18. Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Саратов, 1925. Вып. 1.
19. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.
20. Голубева Л. Л. Наследование имущества по законодательству Великого княжества Литовского : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2000.
21. Любавский М. К. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. М., 1892.
22. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонска. Минск, 1960.
23. Ливанцев К. Е. История государства и права феодальной Польши XIII–XIV вв. Л., 1958.
24. Саксонское зеркало : памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В. М. Корецкий. М., 1985.
25. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / пер. со ст.-швед. и примеч. С. Д. Ковалевского // Средние века : сборник. М., 1964. Вып. 26. С. 185–203.
26. *Sójka-Zielińska K.* Historia prawa. Wyd. 10, zmienione. Warszawa, 2005.
27. *Plaža S.* Historia prawa w Polsce na tle porównawczym : w 3 cz. Kraków, 2002. Cz. I : X–XVIII w.
28. *Rigaudière A., Molfessis N., Béchillon D.* Histoire du droit et des institutions dans la France medieval et modern. 4-e ed. Paris, 2010.
29. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. А. Ф. Аляксандрава [і інш.] ; Нац. гіст. архіў Беларусі. Мінск, 2012.

References

1. Zakony vavilonskogo tsarya Khammurabi [The laws of king Hammurabi]. *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* : in 2 parts. Part 1. Ed. by M. A. Korostovtsev [et al.]. Mosc., 1980. P. 151–178 (in Russ.).
2. Pamyatniki rimskogo prava : Zakony XII tablits ; Institutsii Gaya ; Digesty Yustiniana [Monuments of Roman law : The Laws of XII tables ; Institution Guy ; Digesty Justinian]. Mosc., 1997 (in Russ.).
3. Franchozi D. Institutsonnyi kurs rimskogo prava [The Institutional course of Roman law]. Transl. from Italian ; ed. by L. L. Kofanov. Mosc., 2004 (in Russ.).
4. Gai. Institutsii [Gai. Institutions]. Transl. from Lat. F. Dadynskii ; ed. by V. A. Savel'ev, L. L. Kofanov. Mosc., 1997 (in Russ.).
5. Digesty Yustiniana [Digest of Justinian] : in 7 vol. Ed. by L. L. Kofanov. Mosc., 2004. Vol. V, semivolume 1 (in Russ.).
6. Institutsii Yustiniana [Institutions of Justinian]. Transl. from Lat. D. Rassner ; ed. by L. L. Kofanov, V. A. Tomsinov. Mosc., 1998 (in Russ.).
7. Baron Y. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava [The System of Roman civil law] : in 6 books. Preface V. V. Baibak. Saint Petersburg, 2005. Book 2 : Pravo vladeniya (in Russ.).
8. Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. Rimskoe parvo [Roman law]. Transl. from Maced. V. A. Tomsinov, Y. V. Filippov ; ed. by V. A. Tomsinov. Mosc., 2000 (in Russ.).
9. Ermolovich V. I. Pravo srednevekovoi Serbii (XII–XV vv.) [The Right of medieval Serbia (XII–XV)]. Minsk, 2003 (in Russ.).
10. Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka [Eclogue. Byzantine legislative arch of the VIII century]. Ed. by E. E. Lipshits. Mosc., 1965 (in Russ.).
11. Florinskii T. D. Pamyatniki zakonodatel'noi deyatelnosti Dushana Tsarya Serbov i Grekov : Khrisovuly ; Serbskii Zakonnik ; Sbornik vizantiiskih zakonov [Monuments of legislative activity of the King Dusan of Serbs and Grekov : Chrisoula ; The Serbian Lawyer ; Collect. of Byzantine laws]. Kiev, 1888 (in Russ.).
12. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation X–XX centuries] : in 9 vol. Ed. by O. I. Chistyakov. Vol. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. Mosc., 1984 (in Russ.).
13. Pravda Russkaya : in 2 vol. Ed. by B. D. Grekov. Mosc. ; Leningr., 1947. Vol. 2 : Kommentarii (in Russ.).

14. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Full collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. 2nd ed. Mosc., 2001 (in Russ.).
15. Antologiya mirovoi pravovoi mysli [Anthology of world legal thought] : in 5 vol. Mosc., 1999. Vol. 2 : Evropa: V–XVII (in Russ.).
16. Sergeevich V. Lektsii i izsledovaniya po drevnei istorii russkago prava [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. 3rd ed. Saint Petersburg, 1903 (in Russ.).
17. Maksimeiko N. A. Moskovskaya redaktsiya Russkoi pravdy [The Moscow edition of Russian Truth]. *Problemy istochnikovedeniya* : collect. art. Mosc. ; Leningr., 1940. P. 127–162 (in Russ.).
18. Yushkov S. V. Issledovaniya po istorii russkago prava [Studies on the history of Russian law]. Saratov, 1925. Vol. 1 (in Russ.).
19. Yushkov S. V. Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie [Russkaya Pravda. The origin, sources, value]. Mosc., 1950 (in Russ.).
20. Golubeva L. L. Nasledovanie imushchestva po zakonodatel'stvu Velikogo knyazhestva Litovskogo [Inheritance by the law of Grand Duchy of Lithuania] : dissertatsiya... kandidata yurid. nauk : 12.00.01. Minsk, 2000 (in Russ.).
21. Lyubavskii M. K. Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-Russkago gosudarstva ko vremeni izdaniya pervago litovskago statute [Regional division and local management of the Lithuanian-Russian state at the time of the publication of the first Lithuanian Statute]. Mosc., 1892 (in Russ.).
22. Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 g. [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1529]. Ed. by K. I. Yablonskisa. Minsk, 1960 (in Russ.).
23. Livantsev K. E. Istoriya gosudarstva i prava feodal'noi Pol'shi XIII–XIV vv. [The History of state and law of feudal Poland XIII–XIV vv.]. Leningr., 1958 (in Russ.).
24. Saksonskoe zertsalo : pamyatnik, kommentarii, issledovaniya [Sachsenspiegel : the Monument, comments, research]. Ed. by V. M. Koretskii. Mosc., 1985 (in Russ.).
25. Landslag korolya Magnusa Erikssona [Landslag king Magnus Eriksson]. Transl. S. D. Kovalevskii. In: *Srednie veka* : sbornik. Mosc., 1964. Vol. 26. P. 185–203 (in Russ.).
26. Sójka-Zielińska K. Historia prawa. 10th ed. Warszawa, 2005 (in Pol.).
27. Płaza S. Historia prawa w Polsce na tle porównawczym : in 3 parts. Kraków, 2002. Part I : X–XVIII (in Pol.).
28. Rigaudière A., Molfessis N., Béchillon D. Histoire du droit et des institutions dans la France medievale et moderne. 4th ed. Paris, 2010 (in Fr.).
29. Tastamenty shljahty i mjashchan Belarusi drugoj palovy XVI st. (z aktavyh knig Nacyjanal'naga gistorychnaga arhiva Belarusi). Ed. by A. F. Aljaksandrava [et al.]. Minsk, 2012 [in Belarus.].

Статья поступила в редколлегию 04.05.2016.
Received by editorial board 04.05.2016.